

ТЕОРИЯ КРИТИКИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Дамир Юсуфович Шапсугов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
shapsugov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется становление критики и научной критики в юриспруденции с учетом опыта развития критической мысли в России, выделения теоретических конструкций А. В. Никитенко, В. Г. Белинского, И. Канта. Кратко характеризуется развитие идей критики в российской юриспруденции XIX – XX вв., формулируется проблема становления теории научной критики в советский период истории России.

Ключевые слова: критика, цензура как видимость критики, история критики, становление критики в российской юриспруденции, предмет критики, критика и культура творчества, критическое знание, критическое мышление

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Теория критики в юриспруденции России: проблемы становления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 14–25. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-14-25>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE THEORY OF CRITICISM IN RUSSIAN JURISPRUDENCE: PROBLEMS OF FORMATION

Damir Yu. Shapsugov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the formation of criticism and scientific criticism in jurisprudence, taking into account the experience of developing critical thought in Russia, highlighting the theoretical constructions of A. V. Nikitenko, V. G. Belinsky, I. Kant. The development of the ideas of criticism in Russian jurisprudence of the 19th-20th centuries is briefly characterized, the problem of the formation of the theory of scientific criticism in the Soviet period of Russian history is posed.

Keywords: criticism, censorship as the appearance of criticism, the history of criticism, the formation of criticism in Russian jurisprudence, the subject of criticism, criticism and culture of creativity, critical knowledge, critical thinking

For citation: Shapsugov D. Yu. The theory of criticism in Russian jurisprudence: problems of formation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):14–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-14-25>

Научная критика есть процесс профессиональной утилизации устаревшего знания и создания надлежащих предпосылок для возникновения нового.

Критика – древний способ коренных позитивных изменений в развивающемся знании, обеспечения свободы мышления, стремящегося к истине, которым юриспруденция пока еще не овладела.

Критика предполагает понимание необходимости и ограниченности рассудка в правовом познании, необходимости и всеобщности разума, способного оставаться в пределах постоянно расширяющихся его возможностей.

Научная критика включает критику самой способности познания, критику книг, школ, концепций, отдельных творческих произведений, составляющих основные разделы ее теории.

Процесс критического анализа осуществляется путем выделения оснований творческих произведений и концепций, установления необходимости единства и различия непосредственного и опосредованного познания, раскрытия движения познания права от единичного через особенное ко всеобщему, не допуская при этом их смешения, отождествления или обособления.

Критика включает выявление внеюридических и юридических оснований в познании и реализации права как основу научного понимания единства и различия права и законодательства.

Критике необходим естественно-научный инструмент золотой пропорции для гармонизации внутренних компонентов права и законодательства и их внешнего взаимодействия с окружающим человека миром.

Научная критика выявляет и преодолевает догматизм и скептицизм в познании права, освобождает его (познание) от создаваемых ими оков, удерживает разум в пределах постоянно расширяющихся его действительных возможностей.

Критика напоминает костер, в котором горит устаревшее знание, отдающее свое последнее тепло, сохраняя возможность появления нового знания. Горение может разъедать глаза дымом, тлеть, не давая тепла, быть чистым огнем без дыма. Таковы и разновидности критики: примитивная, поверхностная, профессиональная: научная (теоретическая) и практическая, опирающаяся на опыт, в их единстве.

Д. Ю. Шапсугов

В юриспруденции накоплен огромный опыт критического рассмотрения ее предмета от критики при рассмотрении отдельных исследований отдельных авторов до выделения многообразных, различных типов правопонимания, формирующихся в результате критической оценки существующих. Сегодня взаимная критика естественно-правового, позитивистского, психологического, социологического, феноменологического, герменевтического, интегративного, философского направлений и многочисленных их вариантов представлена огромным количеством изданий. Однако очевидно, что это многообразие остается не обобщенным в единой теории критики. Более того, вопрос о необходимости такой теории, как одного из условий преодоления кризиса юридической науки, как нам представляется, даже серьезно не поставлен. Для того, чтобы быть «служанкой» богословия или «служанкой» государства, ей достаточно цензуры как видимости критики, познание которой оказывается необходимым для возникновения действительной критики, которая является эффективным инструментом получения достоверного знания, без которого совершенствование условий жизни индивида, общества, развитие государства и права, соответствующее их социальному назначению оказывается невозможным.

Познание указанного выше опыта критики является одной из предпосылок формирования теории научной критики в юриспруденции, что не означает отсутствия других предпосылок, породивших культуру критики творческих произведений во всех областях научного знания. Поэтому изложению истории критики в юриспруденции должен предшествовать анализ становления критики от первоначальных форм, как это имело место в России – от литературной и художественной критики. Никакая критика невозможна без создания литературного, а затем профессионального языка, характеризующего особенности исследовательской деятельности в отдельных отраслях знания.

В литературе по истории русской критики отмечается выдающаяся роль М. В. Ломоносова, С. А. Сумарокова, В. К. Тредиаковского, которым удалось сделать серьезный шаг в формировании русского литературного языка, обосновании конкретных требований (правил), соблюдение которых необходимо при написании творческих произведений в различных жанрах, составивших первый – очень важный этап – в становлении классических представлений о форме и содержании произведений литературы и искусства.

Необходимо отметить, что становление критики в России проходило не без влияния уже существовавшей в Западной Европе культуры критического мышления, но в России большой вклад в ее становление на первом этапе внесли также Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. В. Никитенко, В. Г. Белинский.

Здесь нам представляется необходимо особо отметить две ключевые идеи для развития критики, высказанные Н. М. Карамзиным. Первая выражается в положении «Хорошая критика это роскошь», которую можно позволить, когда накоплен большой опыт создания и издания творческих произведений, которые только и могут быть предметом критики. Вторая формула дана как «Абстрактного закона словесности нет» [1]. Автор сам формулирует правила, по которым создает свои произведения. Неслучайно В. Г. Белинским он был объявлен первым критиком в России, основателем критики в русской литературе, которому пришлось заново создавать и жанры, приемы критики [2]. Этими двумя идеями четко подчеркивалась необходимость приобрести опыт создания творческих произведений как предмет критики и объявлялась по существу свобода творчества, ставшая впоследствии ее фундаментом.

Замечательным фактом этого процесса стала объявленная 25 марта 1842 г. речь о критике доктора философии и одновременно либерального цензора А. В. Никитенко на Торжественном собрании Санкт-Петербургского университета. Как нам представляется, это была первая попытка формулирования оригинальной, целостной теории критики, которая во многом, в частности, в самом определении критики как суда разума над творчеством, опиралась на идеи И. Канта о критике, являвшиеся прежде всего философской критикой, критикой философии как процесса познания, который нужно осознать, чтобы сделать его предметом критики.

В изложении профессора А. В. Никитенко, выходца из малороссийских крепостных крестьян графа Шереметьева, критика представлена в качестве сложной теоретической конструкции, свидетельствующей о хорошем его знании материала критики, связанном с огромным личным опытом работы как редактора и цензора.

Эта конструкция, в соответствии со сложившейся традицией, начинается сразу с определения **критики как суда разума над творчеством**, отличавшегося не только выдающейся оригинальностью, но и глубоким философским осмыслением рассматриваемой проблематики в тогдашних условиях России. Понятно, что такое определение сразу ставит много до сих пор неразрешенных вопросов о том, что есть разум и творчество, которые профессор А. В. Никитенко рассматривает с высоких философских позиций в полном соответствии с достигнутым до этого уровнем их исследования, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с основательно подготовленным доктором философии. Применение термина «суд» в данном определении достаточно условно, поскольку не имеется в виду орган государственной власти. Оно является следствием буквального применения одного из этимологических значений термина «критика». К тому же понятно, что суд разума не выносит юридически значимый приговор или решение.

Очевидно, здесь упор делается на господствующую трактовку значения термина «критика» – разложение, разбирательство целостного явления, произведения.

«Разум тогда только признает известную истину, учение или явление действительности, – подчеркивает В. Г. Белинский, комментируя А. В. Никитенко, – когда находит в них себя как содержание в форме. Для этого ему только один путь и одно средство – разъединение идеи от формы, разложение элементов, образующих собою данную истину или данное явление. И это действие разума отнюдь не отвратительный анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для того, чтобы определить его значение. Разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте и новой жизни, если он найдет себя в нем. От процесса разлагающего разума умирают только такие явления, в которых разум не находит ничего своего и объявляет их только эмпирически существующими, но не действительными. Этот процесс называется критикой» [3].

Обращает на себя внимание выделение профессором А. В. Никитенко источников критики: личное убеждение автора, аналитическая деятельность, основание, которые впоследствии становятся критериями классификации критик на виды: личная критика, аналитическая критика, философская, по преимуществу, художественная критика.

Далее дается обстоятельная критика каждой отдельно взятой критики. Прочность данной теоретической конструкции опирается на выделяемые им два вечных закона творчества: закон соотношения частных вещей, характеризуемый им как закон природы и закон идей, по которому происходит разумное обобщение этих соотношений, дающее истину. Развивая эту идею, профессор А. В. Никитенко выделяет идею красоты в искусстве, которая является венцом любого произведения искусства, вытекающую из многовековой истории человечества и **идею истины**, которая является основанием науки и ее воплощения в действительность.

Истина и красота здесь представлены как главные цели критики, призванной установить их наличие или отсутствие в произведениях искусства. Как видим, профессор А. В. Никитенко ограничивает рассмотрение критики сферой литературоведения и искусств, надо полагать, исходя из того, что в России того времени только эти разновидности критики получили определенное развитие.

Много прекрасных суждений о социальном значении критики, ее роли в воспитании молодежи, в развитии творческой деятельности высказано им в этой работе, многие сохраняют свою ценность и в настоящее время.

Однако эта теория критики, несмотря на восторженную оценку передовых писателей и общественных деятелей, не получила должной оценки в ее теоретической части. И даже в Речи о критике В. Г. Белинского, составленной под впечатлением Речи о критике А. В. Никитенко, теоретическая конструкция последнего не была воспринята как существенное достижение в исследованиях критики [4]. Возможно, здесь сыграло роль господствовавшее традиционное рассмотрение критики сквозь призму установления и четкого соблюдения правил творческой деятельности, о которых А. В. Никитенко почти не упоминает, настаивая, наоборот, на необходимости свободы творчества, учитывающей закономерности развития общественной жизни.

Речь о критике, произнесенная профессором и цензором А. В. Никитенко, побудила известного отечественного публициста В. Г. Белинского высказать свое отношение к ее содержанию и значению для развития отечественной критики. В Речи о критике В. Г. Белинского, представляющей собой комментарий речи А. В. Никитенко, высказано благожелательное отношение к ее содержанию. Эти комментарии впоследствии, особенно в советское время, стали рассматриваться как единственно верное освещение проблем критики в российской публицистике, искусствоведении, что, как нам представляется, совершенно незаслуженно оставляло в тени действительные заслуги А. В. Никитенко в теоретическом исследовании критики.

Критика А. В. Никитенко носила характер научного исследования, жестко увязанного с пониманием социально-политической и нравственной значимости рассматриваемого института. Критика В. Г. Белинского, изложенная в его комментариях к речи А. В. Никитенко,

преимущественно носила философско-публицистический характер, который в XIX веке приобретает все более возрастающее значение. Во многих случаях комментариев В. Г. Белинского выступал как конспект речи А. В. Никитенко.

Текст Речи о критике В. Г. Белинского начинается с характеристики становления Духа современного ему времени. В. Г. Белинский более подробно останавливается на его историческом становлении, его особенностях. При этом В. Г. Белинский не занимается подробным анализом теории критики, формулируемой А. В. Никитенко, полагая, что в основе исследования критики должен лежать исторический подход, в связи с чем он начинает разработку истории русской критики во второй статье, посвященной критике. К сожалению, она осталась незавершенной.

В. Г. Белинский отмечает, что времена, когда чувства и фантазии давали ответ на все вопросы (*и потому критика была не нужна – Д.Ш.*), уже прошли. Дух прошедшего века «умел только разрушать, не умея созидать, что делало критику ненужной. Дух анализа и исследования – это дух нашего времени», подчеркивает он. «Наше время алчет убеждений, томится голодом истины», желает «принять всякую живую мысль, преклониться перед всяким живым явлением; но оно не спешит им навстречу, а спокойно ожидает их к себе без страсти и увлечения ...».

... Миру нужен не просто калейдоскоп воображения, а микроскоп и телескоп разума, сближающего с отдаленным, делающий для него невидимое видимым. Действительность – вот лозунг и последнее слово современного мира. Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума. Истина страшна только для ограниченного индивидуального человека, а сама в себе есть вечная красота, вечное блаженство» [4]. В этих страстных выражениях В. Г. Белинский выражает важные содержательные идеи критики: не останавливаться на видимом, часто выступающем видимостью действительного, стремиться и содействовать познанию невидимого с помощью новых инструментов, образно называемых микроскопом и телескопом, долженствующих входить в арсенал критического мышления. Ибо «теперь все подлежит критике, даже сама критика».

В. Г. Белинский готов объявить разум господствующим в XIX веке, обнаружив стремление к примирению с ним, «признав их (чувства и созерцания) права, но как подчиненных ему союзников, ...». Повсюду ищет самого себя и только то признает действительным, в чем находит самого себя».

Здесь необходимо отметить хорошее знакомство А. В. Никитенко и В. Г. Белинского с философией И. Канта и Г. Гегеля, в частности, учением о разуме, которое судя по их текстам они полностью разделяли, обеспечивая высокий познавательный уровень их собственного мышления. Ибо XIX век – «весь вопрос, весь стремление, весь искание истины. Человек не боится что его обманет истина, он боится лжи, которую человеческая ограниченность часто принимает за истину» [4].

Гносеологическую причину **невосходимости** мышления к разуму он видит в том, что исследование не было свободным, находящимся под непосредственным влиянием созерцания или в зависимости от авторитета чувств и заранее принятых начал. Отсюда следует, что критика выступает или должна выступать инструментом (микроскопом, телескопом) обнаружения **свободности** мышления, его способности преодолевать преграды, возникающие в процессе познания.

Опираясь на приведенные положения, В. Г. Белинский формулирует понятие критики: «разум разрушает явление для того, чтобы оживить его для себя в новой красоте и новой жизни, если он найдет себя в нем. Эмпирически существующее (то, в чем разум не нашел себя) существует, но не действительно. Но это не анатомический процесс, разрушающий прекрасное явление для определения его значения. Разум признает Истину, учение или явление действительными, когда находит в них себя как содержание в форме» [4]. Не анатомическим процессом делает то, что он постоянно имеет дело с живой мыслью, сохранять которую необходимо в ее действительной целостности, мысленное «разъединяющее идеи от форм разложение элементов, составляющих данную истину или данное явление».

Объясняя таким образом достаточно сложный процесс критики, В. Г. Белинский характеризует самое пошлое и самое распространенное на Руси понимание критики, как «осуждение рассматриваемого явления, или отделение в нем хорошего от худого ... Критиковать значит ругать, называть критикой сатиру и пасквиль, а в провинции, в средних кругах – пересуды, сплетни, злоязычие по принципу “мне нравится”, “мне не нравится”, означающие, что суд принадлежит лицам, а не разуму. Поэтому нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения в качестве критики» [4].

Представляется очень важным, подчеркивая оригинальное определение критики как суда разума над творчеством, отметить, что в таком подходе А. В. Никитенко к критике, фактически отождествляющем критику с облагороженной цензурой, сыграла его долгая профессиональная деятельность в качестве цензора, обязанного принимать решения от имени государства. Но, как известно, он был одним из немногих цензоров, прославившихся в качестве убежденных либералов, боровшихся с субъективизмом, можно сказать, господствовавшим в цензурной деятельности. Отсюда его деятельное участие в разработке либеральных проектов уставов о цензуре, которая как раз отмечена борьбой за суд разума над творчеством. Естественность такого объяснения определения критики цензором и доктором философии, профессором А. В. Никитенко обнаруживается и в том, что он даже не пытается в этой речи отделить цензуру от критики. Его в этом вопросе интересует в основном совместимость творчества с судом разума, которая, по его мнению, вполне возможна.

Нетрудно убедиться в том, что приведенные выше положения о критике российских мыслителей во многом опирались на идеи И. Канта о критике, включая даже само ее определение¹.

Критика как научная теория критики в философии является, по определению И. Канта, законодательницей при получении критического знания, на ее основе должна развиваться критика во всех науках с учетом особенностей их предмета. Подобно тому, как философия необходима наука, определяющая возможности, принципы и объем априорных знаний, юриспруденции необходима наука, определяющая возможность, принципы, объем априорного юридического знания и возможности технологии его применения. Философия права, выявляющая внеюридические основания юриспруденции, и собственно юридические основания, выявляемые общей теорией юридической науки и отраслевыми юридическими науками, должны быть выражением единства чистого и практического разума в юриспруденции. Характерно при этом, что понимание как реализованное обобщение и непонимание как недостаток или отсутствие обобщения выявляется посредством критического анализа, критического знания о нем в тех формах, которые сложились в старой метафизике. Отметим, что ее главный недостаток, заключающийся по убеждению И. Канта – в слепом следовании предмету, не требующим поэтому особенного внимания к внутреннему содержанию процесса познания; он приходит к необходимости исследования именно этого вопроса, рассматриваемого им как природная способность разума. При этом он исходит из того, что настало время (в век И. Канта) подвергнуть критике все, даже религию, опирающуюся на свою святость, законодательство, опирающееся на свое величие, порождаемые разумом, создающим ложное, иллюзорное знание. Избавление человечества от такого знания, недопущение его появления в новых вариантах есть главная задача, которую призвана решать создаваемая им философская критика способности познания.

Исследуя критику как анализ познавательной способности разума, И. Кант впервые вводит разграничение разума на чистый спекулятивный априорный разум, вытекающий из понятий, и разум практический, вытекающий из созерцаний, каждое из которых исходит из свойственных им основоположений, в том числе, и в отношении к внутреннему чувству, обосновывает необходимость их разграничения, опасность их смешения, и единство, проявляющееся при его применении. Решение этих вопросов составляет главное содержание его учения о критике.

¹ В современной российской философской науке разрабатывается такая наука. См. [5].

Таким различием, по мнению И. Канта, легко предотвратить опасность смешения основоположений, на которых они основаны. При этом возможно сочетание основоположений путем **сложения** многообразного, представляющего собой синтез многообразного, части которого необходимо принадлежат друг другу (два треугольника, составляющие квадрат), синтез однородного во всем, что можно исследовать математически, или **связь** – синтез многообразного, части которого необходимо принадлежат друг другу. Такая общая конструкция способности разума представляет собой своеобразную общую схему критического мышления, которой должна руководствоваться критика, чтобы задачи чистого спекулятивного априорного разума были решены, не допуская никакого сомнения в достоверности получаемого при этом знания.

По мнению И. Канта, необходимость в чистом спекулятивном разуме возникает тогда, когда он попадает в **«затруднительное»** положение, когда его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они **навязаны его собственной природой**, но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума» [6, выделено нами – Д. Ш.], происходит «ссора разума с самим собой, при его независимости от опыта его применения».

В такое положение он попадает **не по своей воле** потому, что он **начинает с основоположений**, применение которых в опыте неизбежно и подтверждается им. Опираясь на основоположения, он поднимается все выше и выше к условиям, все более отдаленным. Вопросы тоже нарастают, и он замечает, что на этом пути его дело должно оставаться незавершенным, и он должен **прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы опыта** и тем не менее **кажутся столь несомненными, что даже обыденный** человеческий разум соглашается с ними. Вследствие этого разум погружается в мрак и **впадает в противоречия**, которые, правда, могут привести его к заключению, что где-то **в основе лежат скрытые ошибки**, но обнаружить их он не в состоянии, так как основания, которыми он пользуется, выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают критерия опыта» [6, Предисловие к первому изданию, выделено нами – Д. Ш.].

Абстрагирование чистого разума приводит к нарушению его единства с практическим разумом, нечто подобное происходит и с практическим разумом, когда категории рассудка начинают применяться как основания чистого разума. Задача критики заключается в нахождении этих двух отклонений от единства разума, сохраняя их различие в применении. Тем самым, именно критика обнаруживает и устраняет «крылья разума» в первом случае и «оковы рассудка» во втором, обеспечивая надлежащее их взаимодействие в процессе познания (см. об этом: [7, с. 50-63]), получения достоверного развивающегося знания.

При познании эмпирического необходимо осознавать, что это не чистый разум без опыта, не всеобщее, не априорное. При забвении этого обстоятельства возникает иллюзия, от которой чистый разум должен избавляться, преодолеть. Это преодоление – задача критики. Возникновение такой иллюзии означает непреодоленность «затруднений, встречающихся в синтезе, ради которого затеяна вся критика».

«Основная задача критики в том, – подчеркивает И. Кант, – чтобы показать в одном общем принципе единство практического разума со спекулятивным, так как в конце концов мы имеем дело с одним и тем же разумом, который должен иметь различия в применении» [6, с. 226]. Спекулятивный разум, чтобы быть чистым, должен избегать соприкосновения с опытом, эмпирическим разумом, то есть быть априорным и именно в таком качестве он сохраняет единство с практическим разумом, переходит в него, становясь выражением цели, определенной чистым разумом, которая применяется в практическом разуме и фиксируется как различие в применении разума. В практическом разуме составляющие его мотивы, чувства, удовольствия и неудовольствия, составляющие основы непосредственного знания, приобретают разумную форму, делающую их разумными. Разумное содержание они получают благодаря соответствию – цели, определяемой чистым разумом, воплощению ее в разумную форму.

Таким образом, решается задача критики «показать в одном общем принципе единство практического разума со спекулятивным».

Концепция И. Канта о чистом и практическом разуме строится на обособленном рассмотрении чистого и практического разума как обособленное рассмотрение способности чистого разума и разума практического, в котором важную роль играет установление пределов их применения, объема и технологии познания и самопознания.

Что касается творчества, то оно, по нашему мнению, представляет собой как предмет исследования *переход* чистого разума в практический через деятельность, вбирающую в себя обе разновидности разума: поэтому критика здесь не является принадлежностью одной разновидности разума, ее предметом анализа здесь выступает разумная деятельность по созданию творческих произведений, составляющих особую форму материализации результатов познавательной деятельности в широко понимаемой практике. И здесь задача заключается в том, чтобы определить особенные задачи и функции критики в творческой деятельности по созданию произведений литературы, искусства, науки, их переводу на другие языки, комментарию и т.п. Это означает найти место критики в системе деятельности по созданию творческих произведений и их исследованию. Ответ на этот вопрос содержится в рассмотрении И. Кантом истории чистого разума по его происхождению, сущности и методу, охватывающему полный цикл становления чистого разума, его истории: от догматизма через скептицизм, критицизм к науке как процессу становления разумного содержания и облечения его в разумную форму как восхождения к истине.

Гегель вводит в эту систему единства разума новый элемент – «снятие» непосредственного знания в опосредованном, спекулятивном, его «сохранение» в понятии через надлежащее обобщение, которое впоследствии получает конкретизацию в понятиях объема и содержания понятия. В спекулятивном мышлении при образовании действительного понятия через процедуру обобщения количество признаков содержания предмета познания сокращается, а объем понятия увеличивается и этим обеспечивается сохранение единичного во всеобщем¹. Эти положения существенно дополняют предмет критики и хотя, возможно, усложняют дело критики, но несомненно усиливают познавательный потенциал разума.

По схеме И. Канта, чистый разум, постигший истину как цель, применяется практическим разумом через категорический императив по принципу, составляющему определение права – как совокупность условий, при которых произвол одного согласуется с произволом другого по общему закону свободы, названному категорическим императивом.

Таким образом, получается по И. Канту, что чистый разум без опыта как найденная истина-цель переходит в эмпирический мир, становясь практическим разумом при сохранении единства разума и его разном применении.

Становление научной критики в России проходило в рамках общих предпосылок становления критики в литературе и искусстве через формирование литературного языка, жанров творческих произведений и оформление требований к ним, накопление определенного богатства творческих произведений, без чего изначально не сможет сформироваться предмет критики. Научная критика в России оказывалась возможной на указанном фундаменте с учетом постепенного формирования профессионального юридического языка и способов мышления, источники которых возникали в самой России с опорой на подобный опыт мировой, преимущественно западно-европейской, политико-правовой мысли, представленной прежде всего, И. Кантом и Г. Гегелем.

Первой формой научной критики в российской юриспруденции выступали аналитические творческие произведения отдельных авторов, школ и направлений, формировавшихся

¹ Кант не допускает непосредственное, эмпирическое в чистый разум, единство синтетического, чистого и практического разума, именно такое качество сохраняется и переходит в него, становясь выражением истины-цели, определенной чистым разумом, которая применяется в практический разум.

в российской науке [8–11] в основном уже в XIX веке, в которых критика отдельных произведений совмещалась с анализом юридических школ в Западной Европе, что стимулировало развитие российской юридической критики.

Внимание российских юристов в этот период преимущественно концентрировалось на применении кантовской и гегелевской схем критики, в основном сосредоточенной на выяснении и анализе **основоположений**, позволявших определять специфическую особенность соответствующих концепций права и технологии их развертывания в творческих произведениях ученых юристов (П. Новгородцев, С. Муромцев, Н. Кареев, Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Е. Трубецкой, И. Покровской, Н. Алексеев и др.).

При этом, как нам представляется, недостаточно уделялось внимание развитию учения И. Канта о критике самой **способности** разума, его разграничению и единству, переходу чистого разума в практический, не получила серьезной разработки роль рассудка и разума в развитии критического мышления, а также проблема «снятия», «схватывания» непосредственного во всеобщем как предмет критики в юриспруденции.

В целом, научных работ, специально посвященных вопросам теории научной критики в юриспруденции, в этот, самый богатый на критические произведения период, к сожалению, не было издано, но шел процесс интенсивного накопления материала для ее возникновения.

В советское время теория научной критики в юриспруденции не получила развития в связи с установившимся «догматическим деспотизмом» (термин И. Канта) одного единственного основоположения о классовой сущности институтов власти и права, ставшего критерием научности юриспруденции (см. об этом: [12, с. 341-452]).

Может быть, в связи с этим, научная критика в юриспруденции в этот период, как правило, не выступила как специальный предмет исследования, являясь неотъемлемой частью практически любого труда, в котором всегда содержалась, или обязательно должна была содержаться критика взглядов других ученых на данную проблематику, либо идеологическая критика несостоятельности взглядов ученых, представляющих другое мировоззрение.

Эту ситуацию вполне отражает определение научной критики В. М. Сырых как «оценка наличного теоретического или эмпирического знания, объективированного в печатных или рукописных источниках» [13, с. 319], которое связывается со структурой и правилами их создания с целью выявления фактов неполного соответствия научного знания логическим, методологическим и теоретическим требованиям. Это позволяет относить к критике «анализ нормативных актов с использованием разработанных российскими правоведом критериев качества норм права, выявление уровня совершенства исследуемых норм и нахождение их недостатков» [14, с. 200]. Так, например, аналитическая деятельность по проверке правовых актов характеризуется как их критика, которая одновременно в этом же тексте определяется как их проверка.

Таким образом, критика и проверка фактически отождествляются, несмотря на различия их предметов, целей, технологий осуществления. Как нам представляется, отождествление этих процедур вполне укладывается в традиции ее понимания как опирающееся на действие установленных или рекомендуемых правил, рассматриваемых как критерии оценки предметов анализа. Это создает возможности отнесения критики, научной критики к анализу объектов, предметов, имеющих отношение к другим, некритическим видам научной деятельности. Такое понимание научной критики относит ее к догматическому этапу формирования метода (по концепции критики И. Канта), после которого еще надо пройти скептицизм, на котором уже собственно возникает предмет, материал критики, делающий ее возможной. Следует также помнить, что, как уже об этом говорилось, специальным предметом критики у И. Канта является только сама способность разума, и что он не занимается критикой научных школ и направлений, тем самым четко определяя возможный предмет критики в качестве научных произведений и исследований.

Концепция критики В. М. Сырых прежде всего представляет собой изложение богатого личного опыта ее осуществления, который он щедро предоставляет для использования в первую очередь новым поколениям ученых-юристов, всем желающим им воспользоваться.

Параметры научной критики, обоснованные И. Кантом, уже преодолевали то, что до сих пор традиционно понимается критикой (анализ произведений на предмет соответствия их установленным требованиям к ним и их оценка на этой основе).

В России первым предложившим преодолеть это понимание оказался Н. М. Карамзин, указавший на ее (традиционной критики) недостаток: «Абстрактного закона словесности нет, Автор – творец своего творчества».

Критический потенциал в советской юриспруденции опирался на присвоенность истины одной господствующей концепции и изначальной ненаучности всякой другой концепции. Вытекавшее из такой установки знание оказалось неспособным обеспечивать советское общество и государство достоверным научным знанием, в том числе и по причине отсутствия научной критики в процессах познания действительности разумных понятий. В очередной раз подтвердилась старая истина: без подлинной научной критики невозможно получить знание, способное обеспечить процесс развития общества и государства. Начавшаяся еще в Российской империи попытка подменить критику цензурой, являющейся лишь видимостью критики, в какой-то мере удалась, о чем свидетельствует история Российского законодательства о цензуре и постепенное появление отдельных элементов институтов критики в законодательстве Российской Империи о цензуре XIX века, начале XX века, создавших условия для ее становления (права авторов, переводчиков, издателей, распространителей произведений литературы и искусства).

Периодически отменявшаяся цензура успевала произвести компоненты, дававшие возможность возникновения критики.

Среди малочисленной литературы, посвященной теории научной критики, все же можно выделить одно фундаментальное исследование – докторскую диссертацию Г. В. Хомелева «Философские основания научной критики» на соискание ученой степени доктора философских наук, защищенную в 2004 г. и посвященную исследованию философских предпосылок, теоретических и методологических основ, необходимых для построения научной теории критики, включающую исследование новейших образцов критического мышления преимущественно в диалектическом ключе: негативная диалектика франкфуртской школы, экзистенциональная диалектика, критический рационализм К. Поппера, постструктурализм, история науки [5]. И здесь можно зафиксировать отставание юриспруденции, которое желательно преодолеть.

Все изложенное выше подходит к научной критике, ее происхождению, внутренней структуре, задачам и способам их решения, концентрируется сегодня вокруг вопроса о ее институализации [15], которая не может быть осуществлена без обоснованной теории научной критики. Существующий теоретический исследовательский и эмпирический материал достаточен для ее создания на основе его научного обобщения. Критика только в формате концептуально оформленного знания может стать действительным источником его непрерывного развития, необходимого для гармоничного, эволюционного развития каждого общества, государства, всего человечества.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что становление научной критики включает в себя цепочку концептуальных обобщений результатов ее развития в каждый период ее истории. В настоящей статье приняты во внимание лишь отдельные разновидности таких обобщений, имевших место только тогда, когда накапливался достаточный для этого материал.

После революции, в понимании критики совершенной И. Кантом, и тех существенных поправок к ней, сделанных Г. Гегелем, критическое мышление «пошло вширь». Если И. Кант ограничился критическим анализом самой способности чистого разума, выявляя ее возможности, границы, технологии действия, не занимаясь критикой книг и систем, и далее школ,

направлений, отдельных творческих произведений, то последующее развитие критической мысли, практически ничего не добавив к кантовскому анализу критики, можно даже сказать, часто вовсе не усваивая ее содержания, пошло по пути критики книг, систем, школ, направлений и отдельных творческих произведений, концепций отдельных авторов. Это позволило основательно обогатить опыт «догматического деспотизма» и привело к утверждению скептицизма, если воспользоваться терминологией И. Канта, непосредственно нуждающемуся в критицизме. Огромный материал, накопленный в результате такого движения «вширь», уже вполне «тянет» на его обобщение в обновленной концепции критики, что также связано с возвращением в поле зрения исследователей наследия И. Канта и Г. Гегеля.

Значительно расширяется перечень оснований научной критики, возникает проблема внеотраслевых, универсальных оснований и обобщения внутриотраслевых оснований критического исследования. Новая концепция критики уже не может не учитывать естественно-научные, культурно-исторические, ноосферные, синергетические основания.

Актуализируется необходимость применения в общественных науках, особенно в юриспруденции и образовании, в своей основе универсального древнейшего инструмента – золотой пропорции для обеспечения регулируемого, в соответствии с природными (присущими данному предмету) свойствами и тенденциями, возможного развития общественных и государственных институтов в условиях обеспечения их надлежащего развития. Современная критика уже обнаруживает потребность в таких основаниях, способных быть ключом к решению самых острых вопросов развития современного человечества. С учетом подобных постулатов должна разрабатываться и теория научной критики в юриспруденции как специфическая разновидность критического знания и мышления.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просветлении / Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 122–142.
2. Критика XVIII века / Авторы-составители А. М. Ранчин, В.Л. Коровин. М., 2002. 439 с.
3. Речь о критике, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета марта 25 дня 1842 года экстраорд. проф., доктором философии А. Никитенко. СПб., 1842.
4. Белинский В. Г. Речь о критике. 1842. / Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1955.
5. Хомелев Г. В. Философские основания теории научной критики. Автореферат дис. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. СПб., 2004.
6. Кант И. Критика чистого разума. Перевод с немецкого Н. Лосского. М.: ООО «Издательство «Эксмо», 2015.
7. Шапсугов Д. Ю. Рассудок – разум - право. Ростов-на-Дону, 2016. 192 с.
8. Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
9. Шапсугов Д. Ю. Проблема институализации научной критики и апологетики в исследованиях истории государственно-правового развития народов Кавказа и в отечественной юридической науке / Научная критика и апологетика в исследованиях истории государственно-правового развития народов Кавказа и в отечественной юридической науке: понятие, исторический опыт, критерии, разновидности и особенности. Материалы научной конференции по научно-исследовательскому проекту «Правовой мир Кавказа». 21 декабря 1919 г. Ростов на-Дону, 2020. С. 5–20.
10. Шапсугов Д. Ю. Становление научной критики в российской юриспруденции в XIX в. Размышления о полемике Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева о праве, нравственности и их соотношении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 15–26. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26>
11. Шапсугов Д. Ю. Юриспруденция и проблема конструирования понятий права как свободы, данности и видимости // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 4. С. 9–14.
12. Шапсугов Д. Ю. Проблема свободного мышления в юридической науке. М., 2020. 456 с.
13. Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 464 с.

14. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. Т. 2. Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. 548 с.

15. Шапсугов Д. Ю. К разработке первого органа юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 125–132.

References

1. Karamzin N. M. Something about sciences, arts and enlightenment. In: *Karamzin N.M. Selected works in two volumes*. Moscow-Leningrad; 1964. Vol. 2. P. 122-142. (In Russ.)

2. *Criticism of the XVIII century* / Authors-compilers A.M. Ranchin, V. L. Korovin. Moscow; 2002. 439 p. (In Russ.)

3. *Speech on criticism, delivered at the solemn meeting of St. Petersburg University on March 25, 1842 by extraordinary professor, Doctor of Philosophy A. Nikitenko*. St. Petersburg, 1842. (In Russ.)

4. Belinsky V. G. *Speech on criticism. 1842.* / Full collection of Op. Vol. 6. Moscow; 1955. (In Russ.)

5. Khomelev G. V. *Philosophical foundations of the theory of scientific criticism*. Abstract of the dis. for the application of the uch. art. doct. philos. scien. St. Petersburg; 2004. (In Russ.)

6. Kant I. *Critique of Pure Reason*. Translated from the German by N. Lossky. Moscow: OOO "Eksmo Publishing House"; 2015. (In Russ.)

7. Shapsugov D. Yu. *Reason – reason - law*. Rostov-on-Don; 2016. 192 p. (In Russ.)

8. *German Historical School of Law*. Chelyabinsk: Socium, 2010. 528 p. (In Russ.)

9. Shapsugov D. Yu. The problem of institutionalization of scientific criticism and apologetics in studies of the history of state and legal development of the peoples of the Caucasus and in domestic legal science. In: *Scientific criticism and apologetics in studies of the history of the state-legal development of the peoples of the Caucasus and in the domestic legal science: concept, historical experience, criteria, varieties and features. Materials of the scientific conference on the research project "The Legal world of the Caucasus"*. December 21, 1919. Rostov-on-Don; 2020. P. 5-20. (In Russ.)

10. Shapsugov D. Y. The formation of scientific criticism in Russian jurisprudence in the XIX century. Reflections on the polemics of B. N. Chicherin and V. S. Solovyov on law, morality and their correlation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):15-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-15-26>

11. Shapsugov D. Yu. Jurisprudence and the problem of constructing concepts of law as freedom, givenness and visibility. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(4):9-14. (In Russ.)

12. Shapsugov D. Yu. *The problem of free thinking in legal science*. Moscow; 2020. 520 p. (In Russ.)

13. Syrykh V. M. *History and methodology of legal science*. Moscow: Norma : INFRA-M, 2012. 464 p. (In Russ.)

14. Syrykh V. M. *Logical foundations of the general theory of law*: In 2 vols. 2. Logic of legal research. Moscow: Justicinform; 2004. 548 p. (In Russ.)

15. Shapsugov D. Yu. To the development of the first organon of legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2018;(2):125–132. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Lawyer Sciences, Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.02.2023; одобрена после рецензирования 07.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 25.02.2023; approved after reviewing 07.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.